

DOI: 10.21779/2077-8155-2025-16-2-46-59

УДК 94(57).084.3

Содержание статьи

Информация о статье

Т. В. Котюкова¹

Введение
Специфика и особенности
Туркестанской епархии: не благодаря, а
вопреки
«Отпадение от православия» как
несчастное стечение обстоятельств
Заключение

Поступила в редакцию: 10.09.2025
Передана на рецензию: 11.09.2025
Получена рецензия: 20.09.2025
Принята в номер: 29.09.2025

**«Отпадение от православия» и «совращение православных в мусульманство»:
о случаях перехода из православия в ислам в Туркестанском крае в начале XX в.**

Институт всеобщей истории РАН; kotyukovat@mail.ru

Аннотация. На протяжении нескольких столетий миссионерская деятельность православной церкви была важнейшей задачей для окраинных епархий в Российской империи. До середины XIX столетия она поощрялась государством. Однако подходы и практики менялись. На территории Туркестанского генерал-губернаторства государство отказалось от поддержки миссионерской деятельности православной церкви в отношении коренного мусульманского населения и допускала ее лишь в среде сектантов, старообрядцев и язычников. Указ «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г. (часто именуемый «Указом о веротерпимости») сделал переход из православия, например в ислам, возможным и ненаказуемым, но только в случае, если до принятия православия транзитер уже был мусульманином. На этом фоне в последнее десятилетие существования Российской империи Туркестанская и Ташкентская епархия столкнулась, как ей казалось, с увеличением случаев так называемого *отпадения от православия в ислам*, т. е. не возвращения к *религии предков*, а отказа от православия в пользу ислама. В статье рассматриваются причины, которые этому способствовали и то, насколько масштабным было это явление.

Ключевые слова: Туркестанская епархия, ислам, православие, миссионерская деятельность, мусульмане, сектанты.

¹ Котюкова Татьяна Викторовна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия); <https://orcid.org/0000-0002-2703-5364>.

DOI: 10.21779/2077-8155-2025-16-2-46-59

UDC 94(57).084.3

Content of the article

Information about the article

T. V. Kotyukova²

Introduction.
The specifics and peculiarities of
Turkestan Diocese: not because of, but
in spite of.
“Apostasy from Orthodoxy” as an
unfortunate coincidence.
Conclusion.

Received: 10.09.2025
Submitted for review: 11.09.2025
Review received: 20.09.2025
Accepted for publication: 29.09.2025

“Apostasy from Orthodoxy” and “the Conversion of Orthodox Christians to Islam”: on Cases of Conversion from Orthodoxy to Islam in Turkestan Region in the Early 20th Century

Institute of General History of the Russian Academy of Sciences; kotyukovat@mail.ru

Abstract. For several centuries, the missionary work of the Orthodox Church was the most important task for the outlying dioceses in the Russian Empire. Until the mid-19th century, this activity was encouraged by the state. However, approaches and practices were changing. In the territory of the Turkestan Governorate-General, the state refused to support the missionary work of the Orthodox Church among the indigenous Muslim population, and allowed it only among sectarians, Old Believers and pagans. The Decree “On Strengthening the Principles of Religious Tolerance” of April 17, 1905, often referred to as the “Decree on Religious Tolerance”, made the transition from Orthodoxy, for example, to Islam, possible and unpunished only if the transitor had been a Muslim before accepting Orthodoxy. Against this background, in the last decade of the Russian Empire, Turkestan and Tashkent Diocese faced, as it seemed, an increase in cases of the so-called “*falling away from Orthodoxy to Islam*”, that may have been viewed not as a return to the “*religion of the ancestors*”, but as a rejection of Orthodoxy in favor of Islam. The article examines the reasons that contributed to it and how widespread that phenomenon was.

Keywords: Turkestan diocese, Islam, Orthodoxy, missionary activity, Muslims, sectarians.

Введение

К середине XIX в. православная церковь в Российской империи окончательно стала частью государственного аппарата. Однако пример Туркестанского края демонстрирует нам гибкость и избирательность имперской политики на разных окраинных территориях. Заниматься миссионерской деятельностью в Туркестане, где «население усвоило мусульманскую культуру в такой период, когда христианство в России едва начиналось» [10], по мнению государства, было делом вредным и даже опасным. Но это была позиция светской власти. У Туркестанской и Ташкентской епархии, образованной в 1871 г., была своя стратегия поведения, безусловно, претерпевшая к началу XX в. некоторые изменения. Своя линия поведения имела и у Св. Синода.

Главными практическими задачами, для решения которых создавалась епархия в Туркестанском крае, были обеспечение религиозной жизни русских переселенцев и пресечение их *отпадения от православия*, а занятие миссионерской проповедью среди

² Kotyukova Tatiana Viktorovna – Cand. Sc. (History), leading researcher at the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences; <https://orcid.org/0000-0002-2703-5364>.

коренного населения к ним не относилась. Такая проповедь допускалась лишь в отношении сектантов, старообрядцев и язычников. Однако, несомненно, миссионерская деятельность среди местных мусульман подразумевалась руководством епархии и Св. Синодом как некая перспективная задача. И об этом вполне очевидно свидетельствуют ежегодные отчеты епархии, направлявшиеся в Св. Синод. Достаточно быстро к окормлению православной паствы у епархии добавились заботы по противодействию и борьбе с распространением в Туркестане различных сект. А после подписания Указа «Об укреплении начал веротерпимости» 17 апреля 1905 г. – участились случаи не просто возвращения, но и перехода в ислам исконно православных людей.

Об истории Туркестанской и Ташкентской епархии до 1917 г. за последние десятилетия сформировалась определенная историография как в России, так и в государствах Центральной Азии [2; 3; 5; 6; 26]. Издан ряд сборников архивных документов [9; 36; 37]. Однако природа такого явления как переход из православия в ислам, на наш взгляд, пока изучена недостаточно.

Какими были основные и самые распространенные причины так называемого отпадения от православия в ислам постараемся разобраться на основе архивных документов Национального архива Республики Узбекистан (НА РУз) и Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК). Также мы будем опираться на ежегодные отчеты Туркестанской и Ташкентской епархии в Св. Синод, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве (РГИА).

Специфика и особенности Туркестанской епархии: не благодаря, а вопреки

Важной особенностью Туркестанской епархии, с точки зрения ее организации и управления, было нахождение епископской кафедры не в столице края – Ташкенте, а в Верном – административном центре Семиреченской области Туркестана. Дело в том, что на момент учреждения епархии основная часть православного населения проживала в Семиречье (юг современного Казахстана и северная часть современного Киргизстана). Кроме того, именно там местное население (казахи и киргизы), как тогда считали в Петербурге и Ташкенте, не воспринимали появление православного архиерея как покушение на свои религиозные чувства и права. В Ташкенте при появлении епископа и размещении кафедры реакция со стороны мусульманских религиозных деятелей и населения могла быть крайне негативной. Ташкент не хотел конфронтации с местной *уммой*, и Петербург его в этом вопросе поддержал.

Кроме того, во второй половине XIX в. составной частью имперского дискурса в Туркестане было представление о том, что среди местного кочевого населения (казахи, киргизы, туркмены, каракалпаки) ислам носил поверхностный характер. До середины XIX в. проводилась сознательная государственная политика омульманивания казахов для того, чтобы ускорить институализацию казахского социума в рамках империи. Однако ко второй половине XIX столетия государственная политика претерпела принципиальное изменение. На смену просвещению пришел эволюционизм, а с его позиций ислам мог помешать интеграции казахов в империю [28, с. 242].

Однако, как справедливо отмечает И. В. Волков, киргизы и казахи только казались «слабыми» в вере мусульманами. Эти народы, как и каракалпаки, и туркмены, устойчиво идентифицировали себя как мусульмане [4, с. 152]. По мнению Ю.А. Лысенко, укрепление позиций ислама в Казахской Степи стало защитной реакцией казахского социума на присутствие Российской империи в регионе, а не результатом его внутреннего саморазвития [8].

Следствием политики сдерживания православия в Туркестане, по мнению С. А. Асановой [2, с. 60], можно считать тот факт, что до конца XIX в. наблюдались лишь единичные случаи перехода в православие из других конфессий, в том числе из ислама. Эта политика была своего рода оборотной стороной государственной политики в отношении ислама в Туркестане. Она заключалась в последовательном игнорировании ислама по принципу «ни гонений, ни покровительства» [27, с. 207–208]. Духовное управление мусульман Туркестана по аналогии, например, с Таврическим или с Оренбургским магометанским духовным собранием создано не было [7].

Таким образом, конфессиональная политика Российской империи в Туркестане отличалась от общеимперских подходов и выстраивалась по принципу двойного игнорирования – и ислама, и православия.

Еще одна существенная особенность Туркестанской епархии – только два владыки, Дмитрий (Абашидзе) и Иннокентий (Пустынский), пребывание которых на кафедре пришлось на последнее предреволюционное десятилетие, имели опыт миссионерской деятельности. Епископ Дмитрий (Абашидзе) до назначения в 1906 г. на Туркестанскую кафедру был ректором Александровской Ардонской миссионерской духовной семинарии во Владикавказской епархии. Назначение владыки Дмитрия (Абашидзе) можно считать не случайным, а закономерным. После подписания Николаем II Указа «Об укреплении начал веротерпимости» 17 апреля 1905 г. и революции 1905–1907 г. в среде православного духовенства империи, в т. ч. туркестанского, начинает складываться представление не просто о пробуждении ислама, а о наступлении его на православие. Отношение к исламу в империи начинает претерпевать изменения, завершившиеся в 1910 г. столыпинским поворотом. На самом высоком государственном уровне отмечалось так называемое пробуждение ислама, за которым пристально наблюдали. С этого момента, помимо термина *отпадение от православия*, в Туркестане стали активно использовать еще один – *сращение в мусульманство*. Весной 1912 г. на Туркестанскую кафедру заступил епископ Иннокентий (Пустынский). До этого он служил на Аляске и Алеутских островах. С 1909 г. был епископом Якутским. Именно при нем отсутствие поддержки Туркестанской епархии как со стороны центральной, та и краевой власти получило наконец свое терминологическое определение – *теплохладность* [29]. Автором термина был сам Иннокентий (Пустынский).

Туркестанская епархия была одной из самых бедных в империи. В ней остро не хватало подготовленных кадров священнослужителей. Имевшийся состав духовенства зачастую был неподготовленным к службе в специфических условиях региона и порой не выдерживал конкуренции ни с мусульманскими улемами, ни с сектантскими проповедниками. Жалование священников и служащих консистории было очень низким, что не способствовало повышению авторитета и престижа приходского духовенства в глазах прихожан и тем более в окружающей мусульманской среде. При этом Св. Синод не предпринял никаких существенных мер, направленных на улучшение материального положения туркестанских священников и служащих консистории. Служба в Туркестане требовала от священнослужителя подлинного самоотречения и даже подвижничества. Представители духовенства ехали в Туркестан крайне неохотно. Они испытывали боязнь перед дальним регионом, его коренным мусульманским населением, частыми землетрясениями, нередкими эпидемиями чумы и холеры и т. д. и т. п. Кадровый дефицит усугублялся низким образовательным уровнем [30].

Во главе же местной мусульманской уммы стояли улемы, имевшие прекрасное религиозное образование. Сектантские проповедники также нередко имели хорошую подготовку и, что немаловажно, были энтузиастами своего дела. На примере

Туркестанской епархии хорошо просматривается кризис внутри самого православия в конце XIX – начале XX в. Эти кризисные явления в Туркестане были очевидны, особенно на фоне и в сравнении с исламом, переживавшим подъем.

Практически все Туркестанские епископы ставили перед Св. Синодом вопрос об открытии в крае духовного учебного заведения, слушатели которого набирались из местной православной среды и оставались бы после его окончания служить в крае. Это могло способствовать оградительным мерам против перехода из православия в другие конфессии [31]. В Туркестане владыки окаймляли паству за пределами Семиреченской области, говоря современным языком, практически дистанционно. Они нечасто покидали Верный, в том числе и потому, что для посещения, например, Ташкента им нужно было получить разрешение туркестанского генерал-губернатора. Кроме того, между Верным и Ташкентом отсутствовало железнодорожное сообщение. Таким образом, в силу различных причин владыки не могли осуществлять своевременный надзор за всей епархией, а значит эффективно бороться с отпадением от православия.

Самой сложной была конфессионально-демографическая ситуация в Закаспийской области, которая значительно отличалась от других областей Туркестанского края. Если Семиреченскую область считали самой православной, то Закаспийская одновременно могла претендовать на второе место в крае по числу православного населения и на первое по количеству сектантов. Помимо сект христианского толка, в Закаспийской области вели работу представители движения *Ваисовского божьего полка*. Последователи учения, возникшего в Казани в местной мусульманской татарской среде, уклонялись от военной службы и уплаты налогов. Один из лидеров движения, Гайнан Ваисов, с конца 1890-х гг. жил в Закаспийской области и был впоследствии арестован. С целью вербовки в секту новых адептов и сбора средств для функционирования общины ее руководители предпринимали в 1908 г. поездки по Средней Азии [40, с. 111]. Среди мусульманского населения Туркестана ваисовское движение не получило заметного распространения. Как это не парадоксально, но последователями ваисовцев в крае были в основном представители других конфессий [40, с. 338].

В 1908 г. Св. Синодом были утверждены правила об устройстве внутренней миссии православной церкви. Они сводились к следующему: защита православной веры и церкви от пропаганды иноверия, раскола, сектантства и неверия, а также обращение в лоно церкви последователей существующих лжеучений [38, с. 448–450]. В целом, по признанию большинства современников и исследователей, исламо-православные отношения в Русском Туркестане были достаточно терпимыми.

«Отпадение от православия» как несчастное стечение обстоятельств

До принятия в 1905 г. Указа «Об укреплении начал веротерпимости» переход из любого христианского вероисповедания в нехристианское был уголовно наказуем. Однако эта мера никогда не была непреодолимым препятствием для желающих изменить религиозную принадлежность. Тем не менее, после издания Указа от православия в том же году только в ислам «отпало» 36 тыс. человек [1, с. 133].

После 1905 г. туркестанских владык стали очень волновать участвовавшие, по их мнению, переходы православных (в основном женщин) в ислам. Это были крестьянки-переселенки, но чаще всего Семиреченские казачки, особенно если они сами происходили из смешанных семей, и их матери были киргизками или казашками. Вообще о Семиреченских казаках туркестанские владыки отзывались без теплоты. Ими отмечались резкие различия в вопросах христианской морали и нравственности у казаков и крестьян. Семиреченские казаки, как правило, характеризовались со знаком

«минус». Епископ Дмитрий (Абашидзе) объяснял это тем, что Семиреченские казаки были в большинстве своем выходцами из Сибири, там было мало церквей, а значит их духовным воспитанием никто не занимался [32].

В 1867 г. 9-й и 10-й полки Сибирского казачьего войска, располагавшиеся в Семиреченской области Туркестанского генерал-губернаторства, были выделены в самостоятельное Семиреченское казачье войско. К 1894 г. численность Семиречинского войска было всего около 25 тыс. человек. Кроме г. Верный, где находился центр казачьего управления, Семиреченские казаки населяли 13 станиц и 17 выселков. Казаки непосредственно и очень тесно соприкасались с местным мусульманским населением, между ними существовала сложная система взаимоотношений. Порой они были мирными и взаимовыгодными с торговлей, обменом, заимствованием технологий, а порой – натянутыми и враждебными, сопровождавшимися борьбой за земельные ресурсы, военными столкновениями и взаимными грабежами. Многие казаки свободно владели казахским или киргизским языком. Существовал институт куначества – дружеские, близкие, взаимовыгодные отношения между двумя (казацкой и казахской или киргизской) семьями. Нередко эти отношения подкреплялись браком детей. Здесь – то иногда и возникала почва для *отпадения от православия* или *сворачивания православных* в мусульманство.

В отчете в Св. Синод за 1908–1909 гг. владыка Дмитрий (Абашидзе) писал: «Нельзя успокаиваться на мысли, что магометанство... глубоко чуждо душе русского народа... И при существовании карательных законов против отпавших в магометанство русских случаи отпадения бывали. Их знает Туркестанская духовная консистория, еще вероятно боле Оренбургская...» [33]. Тем не менее, считал владыка, причиной перехода в ислам чаще являлась не сознательная склонность к исламу, а несчастное стечение обстоятельств. Что же он подразумевал под этим? В 1910 г. случился знаменитый столыпинский поворот в отношении государства к исламу. Тревожные интонации недоверия и дистанцирования продолжали нарастать. Так, в фонде Канцелярии туркестанского генерал-губернатора НА РУз, находится дело с говорящим названием «По ходатайству епископа Туркестанского и Ташкентского о принятии мер к прекращению сворачивания православных в мусульманство» [11].

Сохранилось письмо туркестанского генерал-губернатора А. В. Самсонова на имя архиепископа Дмитрия (Абашидзе) от 29 октября 1910 г. Генерал Самсонов информировал владыку, что к нему как к начальнику края не поступало никаких донесений о случаях сворачивания православных в мусульманство. А если такие случаи в крае и имеют место, то они наверняка единичные и происходят «в таких глухих местах, откуда сведения об этом не достигают до администрации и потому проходят без наказания» [12]. При этом «начальника края достигали» другие сведения: не о «сворачивании», а о вполне добровольном желании перейти в ислам. Самсонов подчеркивал, что для него самого, как для православного христианина такие сообщения прискорбны. Тем не менее, он не в силах предотвратить подобные случаи. Все что Самсонов мог – это сообщить «духовному начальству», от которого уже зависит путем «убеждений и увещаний» сохранить этих людей в лоне православной церкви.

За 1910 г. Самсонову вспомнился только один вопиющий случай, произошедший в Сырдарьинской области. Это продажа, т. е. выдача замуж семиреченским казаком, неким Светличным, своих дочерей. По этому поводу Самсонов обратился к министру внутренних дел с представлением о выселении Светличного из края в административном порядке для пресечения подобных случаев в будущем [12]. С другой стороны, закон не давал генерал-губернатору права запрещать мусульманам брать в жены православных. Все что мог в этих обстоятельствах предпринять Самсонов – просить военных губернаторов областей строго следить «за недопущением сворачивания

мусульманами православных» и немедленно привлекать к ответственности всех виновных, а также наблюдать за православными, имеющими близкое общение с мусульманами. Владыке Дмитрию (Абашидзе) Самсонов обещал всяческую помощь и содействие. В Туркестанской епархии было принято решение не венчать подобные браки по принуждению, а с другой стороны, для предотвращения насилия, совершать венчание без согласия родителей при обоюдном согласии сторон [39, с. 47].

Иной была ситуация в крестьянской переселенческой среде. Здесь отступники от православия объясняли свои действия привлекательным укладом жизни мусульманских общин, организованной в них материальной помощью нуждающимся. Приезжая из центральных губерний, переселенцы нередко годы проводили в хлопотах о получении земли. Крестьяне не чувствовали поддержки на местах. Ответственность за подобные переходы владыка Дмитрий (Абашидзе) всецело возлагал на краевую и областную власть [41].

Военный губернатор Семиреченской области М. А. Фольбаум ответил епископу, что материальный фактор не является основным. Существенную, а иногда и главную роль играет здесь «низкая степень нравственных и религиозных понятий» в крестьянской среде [42]. Поэтому самым действенным средством для борьбы с отпадением от православия может быть воздействие на религиозно-нравственную сторону, оказать которое может исключительно духовный пастырь. Областной администрации при всем ее желании трудно предупреждать и пресекать подобные явления, особенно теперь, когда закон, наказывавший за переход в иную веру, отменен. Со своей стороны, генерал Самсонов настоятельно просил военных губернаторов областей строже следить за ситуацией, пресекать любые попытки «совращения мусульманами православных» и предупреждать возможность перехода в ислам русских крестьян путем оказания им своевременной материальной помощи [43].

Это циркулярное письмо и публикация в газете «Окраины России» о случаях участвовавшего перехода православных в ислам в Туркестанском крае, открыли целую переписку между генерал-губернатором края, военными губернаторами областей и Департаментом духовных дел иностранных исповеданий МВД (ДДДИИ), длившуюся с сентября 1911 г. по апрель 1913 г. [13]. На запрос генерал-губернатора с мест отвечали, что подобные единичные (подчеркнем это) переходы православных в ислам, безусловно, случались и до 1905 г. Так, в 1902 г. житель Наманганского уезда Ферганской области Илья Милешкин перешел в ислам. Милешкин скрывался от властей, но в конечном итоге был арестован. «Соблазнил магометанством» Милешкина, как выяснилось в процессе расследования, местный казий [14].

Благочинный церковью Ферганской области священник Петр Квасницкий сообщал, что в его благочинии в течение последних двух лет был лишь один случай перехода в ислам, а также по одному случаю перехода в лютеранство, армяно-григорианство и старообрядчество. В ислам перешел отставной почтово-телеграфный чиновник, уволенный со службы за пьянство. Он объяснял, что в ислам перейти его побудило желание занять приличное служебное место на «сартовском заводе», т. к., по его словам, «у русских никакой службы и насущного куска хлеба добыть он не мог» [15].

Из Семиречья писали о следующих побудительных мотивах перехода в ислам: из имевших место в 1909–1910 гг. случаев в пяти поводом стало сожительство русских девушек с мусульманами, в одном – причина осталась неизвестной и еще в одном – крестьянин отчасти из-за понравившейся обрядности у мусульман, а главным образом в расчете получить за своих дочерей калым при выдаче замуж согласился перейти в ислам [16].

ДДДИИ попросил генерал-губернатора представить обобщающую статистику переходов. Оказалось, что в результате сбора данных по краю за последние несколько лет было установлено 24 случая перехода из православия в другие, а не только в ислам, вероисповедания. Департамент духовных дел подчеркивал: действующий закон (Указ от 17 апреля 1905 г.) предусматривает возможность не перехода из православия в нехристианские исповедания, а лишь возвращения в раннее исповедуемую нехристианскую веру. В этой связи ДДДИИ просил Канцелярию генерал-губернатора проверить, удовлетворяют ли упомянутые переходы такому прочтению закона [17].

На такую постановку вопроса военный губернатор Семиречья Фольбаум сообщал, что никто из перешедших в 1909–1910 гг. в ислам православных не был раньше мусульманином. 2 девицы происходят от матерей-киргизок. Это и стало основанием к выдаче одной из них после безрезультатных пастырских увещаний свидетельства об исключении из православных метрических книг. Вторая барышня из православных метрических книг исключена не была, поскольку «безвестно скрылась». Все остальные перешедшие в ислам – природные русские и православные и после перехода все еще продолжают числиться православными [18].

И. д. военного губернатора Ферганской области А. Д. Калмыков в своем ответе подчеркивал, что новый закон 1905 г. не карал, как раньше, сам переход православных в другие исповедания, а преследовал лишь «сворачивание в иноверные исповедания», т. е. миссионерскую деятельность в отношении православных представителей других исповеданий. По установленному порядку при получении сведений о переходе православных в ислам, производилось расследование с целью выяснения, не имелся ли в данном случае факт «сворачивания» кем-либо из местных мусульман. И если «сворачиватель» устанавливался, он привлекался к ответственности по закону. Даже с уже изменившим вероисповедание человеком местный приходской священник должен был проводить соответствующие «душеспасительные беседы» [19]. Самыми распространенными причинами перехода в ислам среди женщин были брак или намерение выйти замуж за мусульманина. Типичный случай: житель Аулиеатинского уезда Сырдарьинской области Садык Бупыев похитил в 1912 г. Марию Волошину. Выяснилось, что акция была спланирована женихом и отцом невесты, да и сама невеста не очень сопротивлялась [20]. В деле разбирались год.

Туркестанская администрация фиксировала и единичные случаи перехода из ислама в православие. 29 мая 1873 г. Туркестанская епархия разработала «порядок обращения иноверцев в православие» [21], в котором регламентировалась сама возможность такого перехода и его условия. Для совершения подобного перехода служитель православной церкви должен был обязательно обратиться к военному губернатору области и получить его официальное разрешение. Насильственное обращение или обращение, вызывавшее сомнения в его добровольности, отслеживалось краевой администрацией и пресекалось. Так, в 1901 г. рассматривались дела о насильственном обращении в православие мещанина из города Орска Ибрагима Сейфутдинова [22] и о принятии русского подданства бухарским подданным Джумы Кадыркула, хотевшим вместе с подданством изменить и вероисповедание [23].

1 мая 1916 г. на подворье Ташкентского Николаевского женского монастыря состоялось крещение Мукарамы Ишаевой. Девушке еще не было 14 лет, поэтому родители или опекуны должны были дать свое письменное согласие на эту процедуру. Согласия не было. Туркестанский генерал-губернатор Ф. В. Мартсон на запрос благочинного о предстоящем крещении ответил, что «никаких препятствий к совершению таинства крещения над девицей Ишаевой он не имеет», и просил лишь об одном, чтобы обряд был совершен не в Ташкенте, а вне его.

Происшествие очень возмутило двух депутатов Государственной думы. Ими были поданы жалобы на имя Председателя Совета министров и начальника Главного штаба, в которых излагались требования немедленно расследовать дело, привлечь к ответственности виновных и освободить якобы заключенную в монастырь девочку. Здесь необходимо отметить, что приют русским женщинам, «свернувшим мусульманками» и решившим вернуться обратно в православие, а также мусульманкам, обращенным в православие, действительно давал Ташкентский Николаевский женский монастырь [35]. Депутаты боялись, что крещение может привести к обострению отношений с местным мусульманским населением. Однако к моменту начала разбирательства девушке исполнилось 14 лет. Преосвященный Иннокентий (Пустынский) признал его вполне законным. Правда, владыка «пожурил» благочинного за то, что перед крещением он определил возраст «на глазок, со слов девицы». История закончилась без эксцессов и не имела никакого резонанса в среде коренного населения [4, с. 152].

Нередко новообращенным православным оказывалась материальная помощь. В 1903 г. на основании личного обращения материальное пособие было выдано «выкращенному из мусульман» запасному стрелку Василию Мухамедваливу [24]. В 1906 г., так же на основании личного обращения «выкращенному из киргиз» Павлу Щербакову был предоставлен денежный кредит [25].

Туркестанская епархия делала все, что от нее зависело и что она могла себе позволить для предотвращения перехода в ислам православного населения Туркестана. В 1900 г. в Верном был учрежден Туркестанский комитет православного миссионерского общества, деятельность которого была направлена на недопущение перехода православных в ислам и секты. В так называемом «Народном доме», открытом специально для этих целей, проходили лекции и беседы как с православными, так и с новообращенными в православие и иноверцами. Но времени на все и на всех у приходских священников категорически не хватало. В городах Туркестана мусульманки³ нередко посещали богослужения в православных церквях. 20 февраля 1901 г. «в целях сближения с туземцами края» был издан синодальный указ о разрешении мусульманам посещать православные храмы Туркестана в национальных костюмах и головных уборах [37]. При этом сама Туркестанская и Ташкентская епархия практически так и не смогла приступить к серьезной миссионерской работе среди местного мусульманского населения. Все это в совокупности вполне укладывается в формулу, предложенную владыкой Дмитрием (Абашидзе), – «несчастное стечение обстоятельств».

Заключение

В результате изучения и анализа источников можно прийти к выводу, что Туркестанская епархия, не имея в достаточном количестве кадров, умевших и хотевших служить в крае, ни денег, ни поддержки со стороны государства, противостояла переходу из православия в иные конфессии прежде всего в ислам. Привыкнув на протяжении столетий быть неотъемлемой частью имперской политики на окраинах, православная церковь не была готова в Туркестане к отведенной ей второстепенной роли. Перед епархией стояла задача не столько расширить влияние и присутствие православия в регионе, сколько не допустить перехода из православия в «иноверие» всех вариантов. Это в значительной степени было связано с кризисом внутри самого

³ Автор статьи неоднократно была свидетелем посещения кафедрального собора в Ташкенте мусульманками в 2000-х гг. Во время подобных посещений женщины, как правило, ставили свечи к богородичным иконам.

православия в конце XIX – начале XX в. Оказавшись за тысячи километров от исторической родины и привычного уклада жизни, крестьяне-переселенцы, испытывая целый набор адаптационных трудностей в новой непривычной во всех отношениях среде и не ощущая достаточной и оперативной поддержки со стороны государства и местных властей, шли на компромиссы со своей религиозной идентичностью.

Иной была ситуация среди Семиреченских казаков. Они воспринимали Туркестан, вернее Семиречье, как малую родину. Здесь они обладали собственностью и привилегиями. Для дальнейшего устойчивого развития им была зачастую необходима углубленная интеграция в окружающую их мусульманскую среду. Отсюда – межнациональные браки, следствием которых нередко было *отпадение от православия*.

Серьезные вопросы вызывает учет переходов из православия в ислам. Как показывает анализ переписки, нередко был недисциплинированный подход к исключению из метрических книг выбывших из православия фактически, но оставшихся в нем юридически.

Литература

1. Андрощук В. В. Преступления против религии по законодательству России конца XIX – начала XX в.: дис. ... к. юр. н. – М., 2016. – 267 с.
2. Асанова С.А. История Православной Церкви в Средней Азии (вторая половина XIX – начало XX в.): дис. ... к. ист. н. – Ташкент, 2012. – 212 с.
3. Владимир (Иким), митрополит. По стопам апостола Фомы: Христианство в Центральной Азии. – М.: М-Сканрус, 2011. – 749 с.
4. Волков И. В. Миссионерская деятельность Православной Церкви на национальных окраинах Российской империи (на примере Туркестана второй половины XIX – начала XX в.) в // Вестник РУДН. Серия: История России. 2010. № 1. – С. 147–152.
5. К истории христианства в Средней Азии (XIX–XX вв.) / сост. Л. И. Жукова. – Ташкент: Узбекистон, 1998. – 270 с.
6. Литвинов П. П. Благовест над землями ислама: Русский Туркестан (по архивным, правовым и иным источникам). – Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2014. – 537 с.
7. Литвинов П. П. Государство и ислам в Русском Туркестане (1865–1917) (по архив. материалам). – Елец: ЕГПИ, 1998. – 319 с.
8. Лысенко Ю. А. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Казахстане: вторая половина XIX – начало XX в.: дис. ... д. ист. н. – Барнаул, 2011. – 400 с.
9. Мусульманские и православные миссионеры в Казахстане: деятельность и результаты (XIX – начало XX в.). Сборник документов и материалов / сост.: З. Т. Садвокасова, Б. Т. Жанаев, М. Р. Сатенова, Р. Е. Оразов, С. К. Рустемов. – Алматы: Б. и., 2021. – 480 с.
10. Национальный архив Республики Узбекистан (НА РУз). Ф. Р–1009. Фонд В. П. Наливкина. Оп. 1. Д. 27. Л. 192.
11. Национальный архив Республики Узбекистан (НА РУз). Ф. И–1. Канцелярия туркестанского генерал-губернатора. Оп. 4. Д. 1475.
12. Национальный архив Республики Узбекистан (НА РУз). Ф. И–1. Канцелярия туркестанского генерал-губернатора. Оп. 4. Д. 1475. Л. 10 об.
13. Национальный архив Республики Узбекистан (НА РУз). Ф. И–1. Канцелярия туркестанского генерал-губернатора. Оп. 4. Д. 1572. Л. 1–41.

14. Национальный архив Республики Узбекистан (НА РУз). Ф. И–1. Канцелярия туркестанского генерал-губернатора. Оп. 4. Д. 665. Л. 1–24.
15. Национальный архив Республики Узбекистан (НА РУз). Ф. И–1. Канцелярия туркестанского генерал-губернатора. Оп. 4. Д. 1572. Л. 5.
16. Национальный архив Республики Узбекистан (НА РУз). Ф. И–1. Канцелярия туркестанского генерал-губернатора. Оп. 4. Д. 1572. Л. 14–14 об.
17. Национальный архив Республики Узбекистан (НА РУз). Ф. И–1. Канцелярия туркестанского генерал-губернатора. Оп. 4. Д. 1572. Л. 23–23 об.
18. Национальный архив Республики Узбекистан (НА РУз). Ф. И–1. Канцелярия туркестанского генерал-губернатора. Оп. 4. Д. 1572. Л. 26–26 об.
19. Национальный архив Республики Узбекистан (НА РУз). Ф. И–1. Канцелярия туркестанского генерал-губернатора. Оп. 4. Д. 1572. Л. 40–40 об.
20. Национальный архив Республики Узбекистан (НА РУз). Ф. И–1. Канцелярия туркестанского генерал-губернатора. Оп. 4. Д. 1638. Л. 1–36.
21. Национальный архив Республики Узбекистан (НА РУз). Ф. И–1. Канцелярия туркестанского генерал-губернатора. Оп. 20. Д. 6985. Л. 1–4.
22. Национальный архив Республики Узбекистан (НА РУз). Ф. И–1. Канцелярия туркестанского генерал-губернатора. Оп. 4. Д. 553. Л. 1–4.
23. Национальный архив Республики Узбекистан (НА РУз). Ф. И–1. Канцелярия туркестанского генерал-губернатора. Оп. 4. Д. 556. Л. 1–15.
24. Национальный архив Республики Узбекистан (НА РУз). Ф. И–1. Канцелярия туркестанского генерал-губернатора. Оп. 3. Д. 676. Л. 1–12.
25. Национальный архив Республики Узбекистан (НА РУз). Ф. И–1. Канцелярия туркестанского генерал-губернатора. Оп. 3. Д. 823. Л. 1–7.
26. Озмитель Е. Е. История православной культуры Киргизии: середина XIX века – 1917 год: дис. ... д. ист. н. – Бишкек, 2011. – 412 с.
27. Проект всеподданнейшего отчета генерал-адъютанта К. П. Кауфмана по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства. 1867–1881. – СПб.: Военная типография, 1885. – 503 с.
28. Ремнев А. В. Российская империя и ислам в казахской степи (60–80-е гг. XIX в.)// Расы и народы: современные этнические и расовые проблемы / отв. ред. С. Н. Абашин, В. И. Бушков. Вып. 32. – М.: Наука, 2006. – С. 238–277.
29. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Канцелярия Синода. Оп. 442. Д. 2553. Л. 9.
30. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Канцелярия Синода. Оп. 442. Д. 2553. Л. 43 об.
31. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Канцелярия Синода. Оп. 442. Д. 2123. Л. 10–10 об.
32. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Канцелярия Синода. Оп. 442. Д. 2307. Л. 20.
33. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Канцелярия Синода. Оп. 442. Д. 2307. Л. 15–15 об.
1. 34. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Канцелярия Синода. Оп. 442. Д. 2307. Л. 11.
34. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Канцелярия Синода. Оп. 442. Д. 2737. Л. 33.
35. Русская православная церковь в центральноазиатских окраинах Российской империи (вторая половина XIX – начало XX века): сборник документов и материалов / под общ. ред. Ю. А. Лысенко. – Барнаул: Азбука, 2017. – 426 с.

36. Туркестанская епархия в документах и комментариях. 1867–1918 гг. / сост. Р. В. Дорофеев, О. А. Илюшкина, Т. К. Стеклова. – Ташкент: ИПК «ГЛОССА», 2017. – 288 с.
37. Туркестанские епархиальные ведомости. 1908. № 13. – С. 448–450.
38. Туркестанские епархиальные ведомости. 1910. № 6. – С. 47.
39. Усманова Д. М. Мусульманское «сектанство» в Российской империи: «Вайсовский Божий полк староверов-мусульман». 1862–1916 гг. – Казань: Типография «Фолиант», 2009. – 565 с.
40. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 44. Семиреченское областное правление. Оп. 1. К. 3. Д. 3386. Л. 1–3.
41. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 44. Семиреченское областное правление. Оп. 1. К. 3. Д. 3386. Л. 5.
42. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 44. Семиреченское областное правление. Оп. 1. К. 3. Д. 3386. Л. 7–7 об.

References

1. Androshchuk V. V. *Crimes against religion under the legislation of Russia in the late 19th – early 20th centuries*. Cand. thesis (Law). Moscow, 2016. 267 p. (in Russian).
2. Asanova S. A. *History of the Orthodox Church in Central Asia (second half of the 19th – early 20th centuries)*. Cand. thesis (History). Tashkent, 2012. 212 p. (in Russian).
3. Vladimir (Ikim), Metropolitan. *The Trail of Apostle Thomas: Christianity in Central Asia*. Moscow, M-Scanrus, 2011. 749 p. (in Russian).
4. Volkov I. V. Missionary activities of the Orthodox Church in the national outskirts of the Russian Empire (through the example of Turkestan in the second half of the 19th – early 20th centuries). *Bulletin of RUDN. History of Russia series*. 2010. No. 1. Pp. 147–152. (in Russian).
5. *On the history of Christianity in Central Asia (19th–20th centuries)*. Comp.: L. I. Zhukova. Tashkent, Uzbekistan, 1998. 270 p. (in Russian).
6. Litvinov P. P. *Ringling of church bells (blagovest) over the lands of Islam: Russian Turkestan (based on archival, legislative and other sources)*. Yelets, ESU named after I. A. Bunin, 2014. 537 p. (in Russian).
7. Litvinov P. P. *State and Islam in Russian Turkestan (1865–1917): (Based on archival materials)*. Yelets: EGPI, 1998. 319 p. (in Russian).
8. Lysenko Yu. A. *Missionary activity of the Russian Orthodox Church in Kazakhstan: second half of the 19th – early 20th centuries*. Doctoral thesis (History). Barnaul, 2011. 400 p. (in Russian).
9. *Muslim and Orthodox missionaries in Kazakhstan: activities and results (19th – early 20th centuries)*. Collection of documents and materials. Comp.: Z. T. Sadvokasova, B. T. Zhanayev, M. R. Satenova, R. E. Orazov, S. K. Rustemov. Almaty, 2021. 480 p. (in Russian).
10. *National Archive of the Republic of Uzbekistan (NA RUz)*. Col. R-1009. V. P. Nalivkin Fund. Ser. 1. F. 27. Itm. 192. (in Russian).
11. *National Archives of the Republic of Uzbekistan (NA RUz)*. Col. I–1. Chancellery of the Turkestan Governor-General. Ser. 4. F. 1475. (in Russian).
12. *National Archives of the Republic of Uzbekistan (NA RUz)*. Col. I–1. Chancellery of the Turkestan Governor-General. Ser. 4. F. 1475. Itm. 10 f.v. (in Russian).
13. *National Archives of the Republic of Uzbekistan (NA RUz)*. Col. I–1. Chancellery of the Turkestan Governor-General. Ser. 4. F. 1572. Itm. 1–41. (in Russian).
14. *National Archives of the Republic of Uzbekistan (NA RUz)*. Col. I–1. Chancellery of the Turkestan Governor-General. Ser. 4. F. 665. Itm. 1–24. (in Russian).

15. *National Archives of the Republic of Uzbekistan (NA RUz)*. Col. I–1. Chancellery of the Turkestan Governor-General. Ser. 4. F. 1572. Itm. 5. (in Russian).
16. *National Archives of the Republic of Uzbekistan (NA RUz)*. Col. I–1. Chancellery of the Turkestan Governor-General. Ser. 4. F. 1572. Itm. 14–14 f.v. (in Russian).
17. *National Archives of the Republic of Uzbekistan (NA RUz)*. Col. I–1. Chancellery of the Turkestan Governor-General. Ser. 4. F. 1572. Itm. 23–23 f.v. (in Russian).
18. *National Archives of the Republic of Uzbekistan (NA RUz)*. Col. I–1. Chancellery of the Turkestan Governor-General. Ser. 4. F. 1572. Itm. 26–26 f.v. (in Russian).
19. *National Archives of the Republic of Uzbekistan (NA RUz)*. Col. I–1. Chancellery of the Turkestan Governor-General. Ser. 4. F. 1572. Itm. 40–40 f.v. (in Russian).
20. *National Archives of the Republic of Uzbekistan (NA RUz)*. Col. I–1. Chancellery of the Turkestan Governor-General. Ser. 4. F. 1638. Itm. 1–36. (in Russian).
21. *National Archives of the Republic of Uzbekistan (NA RUz)*. Col. I–1. Chancellery of the Turkestan Governor-General. Ser. 20. F. 6985. Itm. 1–4. (in Russian).
22. *National Archives of the Republic of Uzbekistan (NA RUz)*. Col. I–1. Chancellery of the Turkestan Governor-General. Ser. 4. F. 553. Itm. 1–4. (in Russian).
23. *National Archives of the Republic of Uzbekistan (NA RUz)*. Col. I–1. Chancellery of the Turkestan Governor-General. Ser. 4. F. 556. Itm. 1–15. (in Russian).
24. *National Archives of the Republic of Uzbekistan (NA RUz)*. Col. I–1. Chancellery of the Turkestan Governor-General. Ser. 3. F. 676. Itm. 1–12. (in Russian).
25. *National Archives of the Republic of Uzbekistan (NA RUz)*. Col. I–1. Chancellery of the Turkestan Governor-General. Ser. 3. F. 823. Itm. 1–7. (in Russian).
26. Ozmitel, E.E. *History of the Orthodox Culture of Kyrgyzstan: mid-19th century – 1917*. Doctoral thesis (History) / E.E. Ozmitel. Bishkek, 2011. 412 p. (in Russian).
27. *Project of the most humble report of Adjutant General K.P. Kaufman on civil administration and structure in the regions of Turkestan Governorate-General. 1867–1881*. St. Petersburg, Military Printing House, 1885. 503 p. (in Russian).
28. Remnev A. V. The Russian Empire and Islam in the Kazakh Steppe (1860–1880s). *Races and Peoples: Modern Ethnic and Racial Problems*. Issue. 32. Moscow, Nauka, 2006. Pp. 238–277. (in Russian).
29. *Russian State Historical Archives (RGIA)*. Col. 796. Chancery of the Synod. Ser. 442. F. 2553. Itm. 9. (in Russian).
30. *Russian State Historical Archives (RGIA)*. Col. 796. Chancery of the Synod. Ser. 442. F. 2553. Itm. 43 f.v. (in Russian).
31. *Russian State Historical Archives (RGIA)*. Col. 796. Chancery of the Synod. Ser. 442. F. 2123. Itm. 10–10 f.v. (in Russian).
32. *Russian State Historical Archives (RGIA)*. Col. 796. Chancery of the Synod. Ser. 442. F. 2307. Itm. 20. (in Russian).
33. *Russian State Historical Archives (RGIA)*. Col. 796. Chancery of the Synod. Ser. 442. F. 2307. Itm. 15–15 f.v. (in Russian).
34. *Russian State Historical Archives (RGIA)*. Col. 796. Chancery of the Synod. Ser. 442. F. 2307. Itm. 11. (in Russian).
35. *Russian State Historical Archives (RGIA)*. Col. 796. Chancery of the Synod. Ser. 442. F. 2737. Itm. 33. (in Russian).
36. The Russian Orthodox Church in the Central Asian Outskirts of the Russian Empire (second half of the 19th – early 20th century). *Collection of documents and materials*. General editorship by Yu. A. Lysenko. Barnaul, AZBUKA, 2017. 426 p. (in Russian).
37. *The Turkestan Diocese in Documents and Comments. 1867–1918*. Comp. R. V. Dorofeev, O. A. Ilyushkina, T. K. Steklova. Tashkent, IPK "ΓΛΟΣΣΑ", 2017. 288 p. (in Russian).

38. *Turkestan Diocesan Gazette. Journal*. 1908. No. 13. Pp. 448–450. (in Russian).
39. *Turkestan Diocesan Gazette. Journal*. 1910. No. 6. P. 47. (in Russian).
40. Usmanova, D.M. *Muslim “sectarianism” in the Russian Empire: “Vaisovsky God's Regiment of Muslim Old Believers”*. 1862–1916. Kazan, Foliant Printing House, 2009. 565 p. (in Russian).
41. *Central State Archives of the Republic of Kazakhstan (CSA RK)*. Col. 44. Semirechye Regional Administration. Ser. 1. B. 3. F. 3386. Itm. 1–3. (in Russian).
42. *Central State Archives of the Republic of Kazakhstan (CSA RK)*. Col. 44. Semirechye Regional Administration. Ser. 1. B. 3. F. 3386. Itm. 5. (in Russian).
43. *Central State Archives of the Republic of Kazakhstan (CSA RK)*. Col. 44. Semirechye Regional Administration. Ser. 1. B. 3. F. 3386. Itm. 7–7 f.v. (in Russian).